

Мы шли, ступая на стеклянный бой.
Там, в доме было совершенно пусто.
Казалось, сохранились лишь стихи.
Но книги - не секрет - меня и занимали.
Из рога изобилия текла,
как будто бы из сердца поэтессы,
вся в нём накопленная нежная любовь.
Все книги россыпью лежали у окошка.
Раскрытый чемодан подставил их дождям.
Хватило бы снабдить в селе библиотеку,
Когда б то были разные тома.
Их все привёз из города издатель,
затем, чтобы вручить тираж семье.
Мальчишки и досужий сброд лупили -
на меткость - в беззащитное стекло.
Все этажи засыпали осколки.
Могла ль обиженная лирика спастись
вдали от тех, кому она нужна?
Когда стихи и их читатели в разлуке,
так некому избавить книгу от вреда.
А искусительная откровенность книги
летит по ветру из мансардного окна,
выходит из своей тугой обложки,
пытаясь развернуть не парус, так крыло,
летит, как птица (молчаливая в полёте,
но вся внутри настроенная петь).
Однако падает подстреленною птицей,
чтоб лечь в кустах, где нет прохода, и в камнях.
Но к этим книгам полагалось уваженье.
Они лежали там, покуда кто-нибудь
не выберет одну, посмотрит и положит,
опять на место, где их обрекли лежать.
В них содержалась жизнь угасшей поэтессы,
что не успела их продать или раздать.

"Возьми одну" - сказал радушный старый Дэвис.